

При помощи ссылок на «святоотеческие» авторитеты доказывали свою правоту как ревнители и защитники этой идеологической системы, так и те смельчаки, которые, впадая в ереси, пытались ее критиковать и опровергать. Поэтому историю идеологических движений в средние века невозможно изучать, если не строить ее на основании глубокого проникновения в литературную историю патристической книжности. Без такого изучения невозможно понять идеи богомилства и исихазма, нельзя проникнуть в сущность споров между паламитами и варлаамитами. Равным образом исследование учений стригольников или русских еретиков XV—XVI вв. должно быть построено с учетом исследования судьбы патристической письменности на русской почве и ее текстологического изучения. Хороший пример подобного исследования мы находим в книге Я. С. Лурье «Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в.».³⁹ Однако здесь речь идет главным образом об оригинальных произведениях русских авторов этой эпохи, к изучению которых советский исследователь сумел подойти во многом по-новому, в первую очередь благодаря глубокому вниманию к их литературной истории.

На исследовании же главным образом переводной письменности построены работы А. И. Клибанова, в которых он плодотворно исследует идеологические течения феодальной Руси.⁴⁰

3

Следующий вопрос, который с необходимостью встает перед всеми исследователями славяно-русской переводной письменности, — это вопрос о доле русских переводчиков в ее создании. В свою очередь эта проблема неразрывно связана с другой: какими приемами можно установить принадлежность того или иного древнего славянского перевода к творчеству южнославянского или русского переводчика?

Известно свидетельство Начальной летописи об организации князем Ярославом книжного и переводческого дела в Киеве.⁴¹ В нем содержится косвенное указание на существование у древнерусских книжников собственных переводов, независимых от южнославянского мира. Решаясь на расширительное истолкование данного летописного известия, мы имеем возможность распространить его на весь период существования Киевского государства, считая вероятным, что подобные же переводы могли осуществляться не только в самом Киеве, но и в других культурных центрах тогдашней Руси, например в Галиче или во Владимире, в Новгороде или в Смоленске, в период их расцвета, вплоть до татаро-монгольского завоевания.

Вполне вероятно, что переводы, сделанные русскими книжниками, содержат какие-то общие для всех их черты языка и стиля, благодаря которым они и могут быть отличены от переводов, созданных у южных или у западных славян, но имевших также широкое обращение в древнерусской письменности. Уже в статье, опубликованной несколько лет назад,

³⁹ Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960.

⁴⁰ А. И. Клибанов. 1) К проблеме античного наследия в памятниках древнерусской письменности, стр. 158—181; 2) У истоков русской гуманистической мысли. — Вестник истории мировой культуры, 1958, № 1, стр. 22—39; № 2, стр. 45—63; 1959, № 1, стр. 33—49; 3) Реформационные движения в России. Изд. АН СССР, М., 1960.

⁴¹ Повесть временных лет, т. 1. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 102.